

Историческая память о временах Первого Болгарского царства в памятниках болгарской книжности XV–XVI вв.

DOI 10.31168/91674-485-5.20

Проблема исторической памяти как одного из компонентов коллективной памяти, соотношения между памятью и историей получила широкое освещение в научной литературе и остается актуальной до сих пор. Начиная с середины 1920-х гг. она является предметом исследования не только профессиональных историков, но и философов, социологов, политологов и культурологов¹. Усилиями ученых разных специальностей было вы-

Приношу глубокую благодарность ведущему научному сотруднику Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН А.А. Турилову за неоценимую помощь при подготовке данной статьи.

Статья написана в рамках работы над проектом программы Президиума РАН «Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней».

¹ См, например: *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004 (= *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, С.Н. Beck. München, 1992); *Ле Гофф Ж.* История и память. М., 2013 (= *Le Goff J.* Histoire et mémoire. Paris, 1988); *Нора П., Озуф М., Люмез, де Ж., Винок М.* Франция-память. СПб., 1999 (= *Les Lieux de mémoire*. Т. 1. La République. Paris, 1984; Т. 2. La Nation. Paris, 1986; Т. 3. Les France. Paris, 1992); *Феномен прошлого.* М., 2005; *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007 (= *Halbwachs M.* Les Cadres sociaux de la mémoire. Paris, 1925) и др.

работано общее понимание феномена исторической памяти, которая рассматривается как «совокупность относительно устойчиво сохраняемых на протяжении двух или более поколений знаний и представлений о коллективном прошлом определенного социума»².

В последние десятилетия феномен исторической памяти и особенно ее социальные функции активно изучаются в русле болгарской медиевистики³ и отечественной исторической болгаристики⁴. Это связано, прежде всего, с особенностями исторического развития болгарских земель, длительное время входивших в состав как Византийской, так и Османской империй. Именно историческая память о своем прошлом во времена как византийского, так и османского владычества позволила населению болгарских земель сохранить идентичность и дважды возродить собственную независимую государственность. Однако в отличие от эпохи византийского господства, когда христианская Болгария оказалась «под одним ярмом» с единоверными подданными Византийской империи, включение болгарских земель в Османскую империю проходило на фоне поиска способов взаимодействия местного православного населения с завоевателями-мусульманами.

Стремясь обратить население подконтрольных им болгарских земель против католической Европы, османские султаны XV в. предпочитали придерживаться принципа веротерпимости. Тем не менее их политика по отношению к болгарской церкви носила двойственный характер. С одной стороны, уже в первой половине XV в. усилиями османских властей тырновская кафедра превращается из патриархии в подчиненную константинопольскому патриарху митрополию и приобретает отчетливо греческий «облик»⁵. С другой стороны, в начале XV в. обозначается заметное усиление и территориальное расширение

² Мельникова Е.А. Предисловие // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 3; Варьяш О.И. Право и историческая память // Там же. С. 158–159.

³ См., например: Вачкова В. Белите полета в българската културна памет. София, 2010; Каймакамова М. Власт и история в средновековна България (VII–XIV вв.). София, 2011; Она же. Ролята на Асеневици за формирането на българската историческа памет в края на XII — средата на XIII в. // Великите Асеневици. Велико Търново, 2016. С. 60–69.

⁴ См., например: Польшванний Д.И. Царь Петр в исторической памяти болгарского Средневековья // Средновековният българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. дин П. Ангелов. София, 2013. С. 137–145; Она же. К изучению средневекового болгарского историописания // Българско средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р М. Каймакамова. София, 2013. С. 252–261.

⁵ Подробнее см.: Тодорова О. Православната църква и българите (XV–XVIII в.). София, 1997. С. 32–67.

автокефальной Охридской архиепископии, значение которой в XVI в. возрастает настолько, что на короткий период (с 1532 по 1557 г., т. е. до воссоздания Печской патриархии) она получает право управления всеми сербскими епархиями⁶. Рост амбиций Охрида в начале XV в. хорошо иллюстрирует тот факт, что не позднее 1433 г. на славянский язык был переведен «Завет Первой Юстинианы», хрисовул Михаила VIII Палеолога, адресованный Охридской кафедре, что должно было подкрепить притязания Охридского диоцеза на относившиеся к бывшей Тырновской патриархии Видинскую и Софийскую епархии⁷.

Именно во владения Охридской архиепископии стекаются уцелевшие представители Тырновской книжной школы и их ученики, где они вступают в тесное взаимодействие с сербской литературно-книжной традицией, вплоть до использования сербской ресавской орфографии.

В то же время старая болгарская столица Тырново, «дискредитировавшая» себя в глазах султанов непримиримой борьбой с завоевателями и в особенности активным участием тырновского митрополита Игнатия в Ферраро-Флорентийском соборе и подписанием унии, в XV в. подвергается последовательной и целенаправленной религиозно-политической дискриминации⁸. Повышенное внимание османских властей к юго-западным болгарским землям было продиктовано и экономическими интересами молодой империи, желавшей извлечь максимальные выгоды из металлургических разработок в Скопско-Кумановской области и русле реки Рилы, а также рудных месторождений в районе Скопска Црна Гора, что на первых порах было невозможно без привлечения на свою сторону местной балканской знати⁹. В глазах последней христианское благочестие становится «сословным преимуществом», а на фоне массовых разрушений монастырей и перехода значительной части населения в ислам подвиги святых отшельников и связанные с ними места символизируют христианское православное единение на Балканах¹⁰.

Этот процесс находит свое отражение в возобновлении деятельности Рильского монастыря в период между 1451 и 1460 гг. тремя братьями Иоасафом, Давидом и Феофаном из села Граница Кюстен-

⁶ Там же. С. 67–68.

⁷ Селищев А.М. Завет Первой Юстинианы // Македонски преглед. 1934. Г. IX. Кн. 2. С. 10–11.

⁸ Ждраков З. Пренасянето на мощите на св. Иван Рилски през 1469 г. в светлината на историческите събития // Българският петнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XV век. София, 1993. С. 86.

⁹ Добрев И. Иван Рилски. Linz, 2007. С. 149–152.

¹⁰ Там же. С. 154–155.

дильской области¹¹ и одобренном султанским ферманом перенесении в 1469 г. из Тырново через Софию в Рильский монастырь мощей благочестивого отшельника Х в. Иоанна Рильского, при активном содействии мачехи султана Мехмеда II, дочери деспота Георгия Бранковича, Марии (Мары) Бранкович, чья резиденция Ежево располагалась в относительной близости от монастыря¹². Несмотря на то, что еще до этого события память о святом подвижнике и покровителе династии Асений характеризуется относительной устойчивостью (о чем свидетельствует, например, включение Жития св. Иоанна Рильского Евфимия Тырновского в Панегирик дьяка Андрея 1425 г.¹³, Службы св. Иоанну Рильскому в Скопском минее 1451 г.¹⁴, появление списков так называемого Народного (безымянного) жития святого¹⁵, широкое распространение переводного жития Иоанна Рильского, написанного Георгием Скилицей¹⁶), с 1469 г. книжная традиция, связанная со святым отшельником, переживает подлинный расцвет. Одновременно с этим процессом не позднее первой четверти XV в. распространяется восприятие св. Иоанна и как заступника сербского народа, как явствующего из заключительной части его Проложного жития¹⁷.

Подвижничеству св. Иоанна Рильского и судьбе его мощей посвящают свои произведения выдающиеся книжники XV в.: насельник Жеглиговского монастыря Пресвятой Богородицы Владислав Грамматик¹⁸ и представитель славянизированной ветви некогда влиятельного

¹¹ Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения. София, 1989. С. 39; Дуйчев И. Рилският светец и неговата обител. София, 1947. С. 278–287.

¹² Там же. С. 287–296. Подробнее о Марии Бранкович и ее роли в развитии православных славянских земель в XV в. см.: Поповић М. Мара Бранковић. Жена између хришћанског и исламског културног круга у 15. веку. Нови Сад, 2014. С. 207–252.

¹³ Пандурски В. Панегирикт на дяк Андрей от 1425 г. // Тырновска книжовна школа. 1371–1971. София, 1974. С. 225.

¹⁴ Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970. С. 345–358.

¹⁵ Янкова В. За двата преписа на «Народното житие на св. Иван Рилски» от XV век // Българският петнадесети век... С. 155.

¹⁶ Ангелов Б. Ст. Из историята на старобългарската и възрожденската литература. София, 1977. С. 56.

¹⁷ Ангелов Б. Ст. Старобългарско книжовно наследство. София, 1983. Т. I. С. 190.

¹⁸ Ангушева А., Атанасова Д., Бояджиев А., Гагова Н., Димитрова М., Йовчева М., Милтенова А. и др. История на българската средновековна литература. София, 2008. С. 635–641; Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век). София, 1997. С. 557–566.

византийского рода Кантакузинов, Димитрий¹⁹, занимавший, по всей видимости, какой-то важный административный пост в юго-западных болгарских землях и, кроме того, связанный родственными узами с Марией Бранкович²⁰. По заказу игумена Рильского монастыря Феофана Владислав Грамматик составляет Рильскую повесть как продолжение Жития Евфимия Тырновского, подробно описывающую судьбу мощей св. Иоанна Рильского²¹, а Димитрий Кантакузин — Житие святого с малой похвалой²² и Службу²³ святому, включенную в 1479 г. вместе с Рильской повестью в так наз. Рильский панегирик (или Рильский сборник), составленный Владиславом Грамматиком. В него же наряду с произведениями последних входят также жития, поучения и беседы виднейших представителей Тырновской книжной школы XIV в.: Григория Цамблака, Иоасафа Бдинского и др., а также помещается Пространное житие Иоанна Рильского Евфимия Тырновского²⁴.

Именно Пространное житие Евфимия Тырновского берет за основу для своего Жития Димитрий Кантакузин, заимствуя оттуда сведения о родном для св. Иоанна «Средецком граде, одном из известных с древних времен»²⁵, обстоятельствах его подвижничества и желаний некоего «царя» (очевидно, имеется в виду Петр I (927–969), сюжет, впервые появившийся в Народном житии Иоанна Рильского, где Петр именуется не только «святым царем», но и «братом» св. Иоанна²⁶)

¹⁹ Ангушева А., Атанасова Д., Бояджиев А., Гагова Н., Димитрова М., Йовчева М., Милтенова А. и др. История на българската средновековна литература... С. 642–646; Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 566–576.

²⁰ Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения... С. 31–32.

²¹ Данчев Г. Владислав Грамматик. Книжовник и писател. София, 1969. С. 90–118.

²² Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения... С. 26–43.

²³ Там же. С. 58–71.

²⁴ Христова Б. Опис на ръкописите на Владислав Грамматик. Велико Търново, 1996. С. 64–109.

²⁵ Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения... С. 29.

²⁶ Народное житие на Иван Рилски // Стара българска литература. София, 1986. Т. 4. Житиеписни творби. С. 127–130.

Подробнее о самом памятнике и посвященных ему исследованиях см.: Чешмеджиев Д., Турилов А.А., Орецкая И.А. Иоанн Рильский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 24. С. 585–598 [доступно 10.09.2017: <http://www.pravenc.ru/text/471475.html>]; Панайотов В. За «Народното» житие на св. Иван Рилски // Преславска книжовна школа. Шумен, 1999. Т. 4. С. 75–99.

посетить благочестивого отшельника, об этом же упоминается и в его Службе, согласно которой св. Иоанн «царского видения и собеседования отрекл»²⁷.

Дальнейшее развитие книжной традиции, связанной с культом св. Иоанна Рильского, выражается в составлении Владиславом Грамматиком вместе со своим учеником Мардарием Рильским²⁸ Рильского сборника 1483 г., также содержавшего Житие Иоанна Рильского авторства патриарха Евфимия Тырновского. В XVI в. благоприятные экономические условия, предоставленные Рильскому монастырю со стороны османских властей, способствуют дальнейшей активной деятельности местных книжников и переписчиков, о чем свидетельствуют списки как Евфимиева Жития святого, так и сочинений Владислава Грамматика и Димитрия Кантакузина²⁹. В то же время почитание св. Иоанна демонстрируют и другие монастыри Юго-Западной Болгарии (как, например, Успенский монастырь на р. Струме и Слепченский), в рукописном наследии которых также зафиксировано почитание рильского отшельника³⁰. В XVI в. цикл об Иоанне Рильском неоднократно редактируется и дополняется новыми произведениями, на базе составленной Димитрием Кантакузином Службы св. Иоанну Рильскому складывается новая Рильская гимнографическая школа³¹. Новый импульс к развитию рукописной традиции, связанной с св. Иоанном Рильским, должно было придать и установление связей между Рильским монастырем и Россией, начало которому было положено в царствование Ивана IV Грозного и продолжилось и при его сыне Федоре Ивановиче³².

Итак, после восстановления Рильской обители и торжественного перенесения туда мощей св. Иоанна Рильского из Тырново культ благочестивого отшельника получает новое развитие: благодаря усилиям книжников и переписчиков Рильского монастыря регулярно обновляется Житие авторства Евфимия Тырновского, появляются новые сочинения, посвященные подвижнику, складывается Рильская гимнографическая школа, под началом Владислава Грамматика и Мардария

²⁷ Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения... С. 63.

²⁸ Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 576–577.

²⁹ Дуйчев И. Рилският светец и неговата обител... С. 310; Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 541.

³⁰ Дуйчев И. Рилският светец и неговата обител... С. 311–314; Ангушева А., Атанасова Д., Бояджиев А., Гагова Н., Димитрова М., Йовчева М., Милтенова А. и др. История на българската средновековна литература... С. 698.

³¹ Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 577.

³² Дуйчев И. Рилският светец и неговата обител... С. 314–315.

Рильского в юго-западных болгарских землях формируется поколение талантливых книжников. Вместе с сохранением исторической памяти о самом св. Иоанне в памятниках книжности XV–XVI вв. постоянно присутствуют связанные с жизнеописанием святого мотивы: упоминания о Средеце как родном городе св. Иоанна и его несостоявшейся встрече с царем Петром. Мотив несостоявшейся встречи подвижника с царем в силу его частотности в более ранних Житиях, очевидно, был хорошо знаком аудитории, прежде всего по Житию Евфимия Тырновского, и именно этим можно объяснить тот факт, что в Житии и Службе Димитрия Кантакузина из Рильского панегирика этот персонаж присутствует лишь как безымянный «царь»³³. Возможно также, что и само обстоятельство несостоявшейся встречи не было для авторов этого периода столь же значимым, как судьба его чудотворных реликвий и нерушимая связь с древним Средецем (а не Тырново, например), воспетым еще Евфимием Тырновским как «один из славных и замечательных городов»³⁴.

Исключительное положение Средеца (Софии) как столицы Румелийского бейлербеяства со второй половины XV в. и его экономическое благосостояние способствовали не только расцвету книжной традиции в окружающих его многочисленных монастырях (Драгалевском, Лозенском, Кокалянском, Кремиковском, Сеславском и др.)³⁵, но и пристальному интересу книжников к его историческому прошлому. Очевидно, в XV в. все еще был актуален и «апокрифический» образ Средеца, фигурирующий в «Сказании Исаяевом» в сербском списке из монастыря Николяц (совр. Черногория) второй четверти XV в. как исключительное место, центр великих битв перед концом света³⁶. К христианской «ипостаси» Сердики/Средеца/Софии обращается в своем Житии Николы Нового, дошедшем в списке 1564 г., выдающийся представитель Софийской книжной школы Матвей Грамматик³⁷.

³³ Ангелов Б., Данчев Г., Кожухаров С., Петков Г. Димитър Кантакузин. Събрания сччинения... С. 33, 63.

³⁴ Иванов Й. Български старини из Македония... С. 371.

³⁵ Подробнее см.: Милтенова А. Тенденции към стабилизиране на книжовния процес през XVI век // Българският шестнадесети век. Сборник с доклади от конференцията, посветена на българската обща и културна история през XVI в. София, 1996. С. 265–274; Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 542.

³⁶ Милтенова А., Каймакамова М. Неизвестно старобългарско летописно съчинение от XI век // Palaeobulgarica/Старобългаристика. 1983. Т. VII. № 4. С. 68–69.

³⁷ Подробнее об авторе и составленном им «Житии» см.: Буюклиева А. Житие на Николай Нови Софийски от Матей Грамматик в контекста на житийната традиция. София, 2008. С. 5–53; Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XVIII век)... С. 584–589.

Выражая восхищение «одному из знаменитых больших городов», равного которому, по его мнению, «нет во всей Македонии»³⁸, автор подробно освещает связанные с его историей факты: проведение Сардикийского Собора, мученичество св. Ферапонта Софийского — и прославляет «великого среди постников святого и преподобного... отца Ивана... как цвет, выросшего в вышеупомянутом месте и жившего в нем»³⁹. За кратким описанием подвижничества Иоанна Рильского следует подробное восхваление чудесных свойств его мощей, которые «помогают не только верным, но и неверным и язычникам, изобличая их неверие»⁴⁰.

Таким образом, память о св. Иоанне Рильском в XV–XVI вв. получает новый импульс, прежде всего благодаря политическим и экономическим реалиям своего времени. Усилиями книжников юго-западных болгарских земель сохраняются и продолжают традиции Тырновской книжной школы, связанные с почитанием святого. В то же время «исторический» контекст жизненного пути отшельника, очевидно, мало интересовал и самих книжников, и их аудиторию: в центре их повествования — не конкретный человек, живший в определенную эпоху, а широко почитаемый подвижник, родившийся в «столичной» Средецкой земле и достигший такой святости, что лицедреть ее было отказано даже «царю».

Не меньшей устойчивостью в XV–XVI вв. характеризуется и память о свв. равноапостольных Кирилле и Мефодии. На фоне разрушения крупнейших центров книжности Второго Болгарского царства, бегства ее представителей к западные болгарские и сербские земли и приобщения болгарских книжников к ресавской орфографии сохранение общеславянской православной традиции через Слово становится главной задачей уцелевших представителей Тырновской книжной школы и их учеников⁴¹. В связи с этим особую ценность в их глазах обретает объединяющее все православные славянские народы дело «солунских братьев», в лице которых они находят высочайший образец для подражания. Характерным примером такого отношения к деятельности равноапостольных братьев служит составленное между

³⁸ Стара българска литература: В 7 т. София, 1986. Т. 4. Житиеписни творби. С. 314.

³⁹ Там же. С. 316–317.

⁴⁰ Там же. С. 317.

⁴¹ Подробнее об этих процессах см.: Турилов А.А. Исследования по славянскому и сербскому средневековью. Београд, 2014. С. 479–490; Ангушева А., Атанасова Д., Бояджиев А., Гагова Н., Димитрова М., Йовчева М., Милтенова А. и др. История на българската средновековна литература... С. 617–622; Дроснева Е. Поглед към българското историческо познание през XV век // Българският петнадесети век... С. 27–38.

1424 и 1426 гг. «Сказание о письменах» уроженца болгарского Костенца и воспитанника Тырновской книжной школы, одним из первых использовавшего ресавскую орфографию, Константина Костенецкого⁴². Выказывая безусловное почтение свв. равноапостольным Кириллу и Мефодию, именуя их «дивными мужами»⁴³, «великими в слове»⁴⁴, «великими в разуме»⁴⁵, книжник не ограничивает их миссию задачами конкретной страны и категорически отрицает возможность перевода ими Священных писаний на «дебелейший» болгарский язык, вместо которого они, согласно автору, избрали русский, включающий в себя достоинства всех славянских языков⁴⁶.

Впоследствии переложение «Сказания» Константина, «Словеса вкратце»⁴⁷, получает широкое распространение как в юго-западных болгарских землях, так и в афонской традиции, о чем свидетельствует как минимум три списка «Словес» болгарского происхождения XVI в.: Охридский (Первый Виссарионов) 1547 г., Второй Виссарионов и Хилендарский список XVI в.⁴⁸

Параллельно с развитием представления об общеславянском характере деятельности свв. Кирилла и Мефодия продолжает набирать обороты процесс «болгаризации» дела «солунских братьев»⁴⁹. Так, в молдавском списке «Краткого жития («успения») Кирилла», датированном Б. Ангеловым 1437 г., св. Константин-Кирилл именуется «родом сыном болгаринном», впоследствии крестившим болгар на реке Брегалнице (совр. бывшая югославская Республика Македония) («шед в Брегалницу») и «написав» им «книги словенским языком»⁵⁰.

⁴² Подробнее о нем и его произведении см.: *Лукин П.Е.* Письмена и православие. Москва, 2001. С. 30–70; *Ангушева А., Атанасова Д., Бояджиев А., Гагова Н., Димитрова М., Йовчева М., Милтенова А. и др.* История на българската средновековна литература... С. 647–651.

⁴³ *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986. С. 100. Л. 10а.

⁴⁴ Там же. С. 137. Л. 28б.

⁴⁵ Там же. С. 117. Л. 18б.

⁴⁶ Там же. С. 100. Л. 10а.

⁴⁷ Там же. С. 290–300.

⁴⁸ *Ангелов Б.Ст.* Старобългарско книжно наследство... С. 84–87.

⁴⁹ Подробнее о «болгаризации» кирилло-мефодиевской миссии см.: *Чешимеджиев Д.* Къс въпроса за състоянието на Кирило-Методиевата идея през XV век // *Българският петнадесети век...* С. 129–136.

⁵⁰ *Ангелов Б.Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958. С. 38–39.

В одном из старших списков «Краткого жития Кирилла» в составе праздничной Минеи начала XV в. (сербской или западноболгарской по происхождению) из Самокова (София, БАН, № 23) этот пассаж отсутствует⁵¹, однако восприятие св. Константина как покровителя Болгарской земли отражается в употреблении переписчиком более позднего времени формулы XIII в.: «Его же молитвами да утвердит Господь Бог Царство Болгарское во веки веком»⁵². Эта же фраза фигурирует и в единственном списке жития патриарха Иоакима I (1235–1246) в составе той же рукописи⁵³. Само по себе включение «Краткого жития Кирилла» в Службу Константину-Кириллу как проложного чтения является довольно архаической чертой⁵⁴ и свидетельствует о консервативности болгарской рукописной традиции XV в.

Как покровитель Болгарской земли, очевидно, воспринимается в это время и св. Мефодий, что явствует из «параллельного» «Краткому житию Кирилла» «Успения Мефодия» в сербском списке 1560 г. не дошедшего до нас среднеболгарского извода XIII в.⁵⁵, в котором равноапостольному Мефодию также приписывается болгарское происхождение («родом сын болгарин»⁵⁶).

«Болгаризированное» представление о миссии св. Кирилла присутствует и в Дриновском списке XVI в. Синодика царя Борила, согласно которому св. Кирилл переложил «Божественное писание от греческого языка на болгарский» и просветил «болгарский род»⁵⁷. Память о св. Кирилле, «учителе болгарском», зафиксирована и в «Часословце» 1566 г.⁵⁸,

⁵¹ Лист с началом «Жития» вырван, см.: *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската Академия на Науките. София, 1969. С. 47.

⁵² Там же. Л. 175а–175б.

⁵³ *Моллов Т.* Мит — епос — история. Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992–1092–1492). Варна, 2002 [доступно 10.09.2017: <http://litenet.bg/publish/tmollov/mei/1.htm>].

⁵⁴ *Степанов Цв.* В очакване на Края: европейски измерения, ок. 950 — ок. 1200 г. София, 2016. С. 206.

⁵⁵ Подробнее о памятнике см.: *Иванова К.* Успение Методиево // *Palaeobulgarica/ Старобългаристика.* 1999. Т. XXIII. № 4. С. 7–24; *Иванова К.* Успение Методиево // *Кирило-Методиевска енциклопедия.* София, 2003. Т. IV. С. 231–233.

⁵⁶ *Иванова К.* Успение Методиево // *Palaeobulgarica...* С. 22.

⁵⁷ *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилов Синодик. Издание и превод. София, 2010. С. 150, 202а.

⁵⁸ *Атанасов П.* Яков Крайков. Книжовник. Издател. График. XVI в. София, 1980. С. 72; *Цибранска-Костова М.* Сборникът «Различни потреби» на Яков Крайков между Венеция и Балканите през XVI век. София, 2013. С. 76, 96–97.

составленном первым болгарским книгопечатником, жившим в Венеции, Яковом Крайковым⁵⁹. Очевидно, была востребована и апокрифическая версия истории создания славянской азбуки, о чем свидетельствует присутствие так называемой «Солунской легенды» в составе «Тиквешского» сборника второй половины XV в.⁶⁰

Согласно «Солунской легенде», св. Кириллу, находившемуся в Александрии, является Божье знамение: голос из алтаря призывает его «идти в обширную землю к славянским народам, называемым болгарями», чтобы крестить их и «дать им закон»⁶¹. В поисках «болгарской земли» Кирилл попадает в Фессалонику, где впервые слышит болгарскую речь, от которой «устрашися» его сердце, так что был он «яко в аде и тьме»⁶². Вскоре по Божьей воле св. Кирилл забывает родной греческий и начинает понимать болгарский язык, и в это время, прослышав о его местонахождении, болгарская армия во главе с «князем Десимиром Моравским, Радивоем, князем Преславским и всеми болгарскими князьями» осаждают город⁶³. Сдавшись на уговоры врага, местные жители выдают св. Кирилла, после чего болгары увозят его в свои земли, где в «городе Равен на реке Брегалнице» св. Кирилл и создает буквы⁶⁴.

Наряду с характерными для «болгарской» версии кирилло-мефодиевской миссии мотивами крещения болгар на реке Брегалнице и причастности св. Кирилла к болгарскому народу либо по рождению, либо благодаря владению языком, «Солунская легенда» содержит в себе фольклорные мотивы. Так, устами фессалоникийского митрополита Иоанна болгары именуются «человекоядцами», хотят «извести» св. Кирилла, их язык «устрашает» так, будто пребываешь «в аде и тьме»⁶⁵,

⁵⁹ Подробнее о нем см.: *Атанасов П.* Яков Крайков. Книжовник. Издател... С. 60–65; *Цибранска-Костова М.* Сборникът «Различни потреби» на Яков Крайков между Венеция и Балканите през XVI век... С. 25–37.

⁶⁰ Подробнее о сборнике см.: *Илиева Л., Петков П., Перчеклийски Л.* Средновековни български новели. Тиквешки сборник. Текст и изследвания. Благоевград, 2010. С. 2–12. Об исследовании Солунской легенды и ее датировке см.: *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. II. С. 44–62; *Каймакова М.* Солунската легенда като извор за идейните настроения на българите в края на XII век // *Изследвания в памет на проф. д-р Георги Бакалов (1943–2012)*. София, 2017. С. 284–304.

⁶¹ *Иванов Й.* Български старини из Македония... С. 282.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 283.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 282.

и т.д. Согласно М. Каймакамовой, фольклорные черты и пророческие интонации, а также помещение легенды в «Тиквешский» сборник с другими апокрифическими произведениями позволяют отнести «Солунскую легенду» к средневековым болгарским историко-апокалиптическим сочинениям⁶⁶.

Пробуждая ассоциации и аллюзии на реалии османской эпохи, списки средневековых историко-апокалиптических сочинений должны были пользоваться широкой популярностью у завоеванного болгарского населения, особенно в обстановке эсхатологических ожиданий в 1492 г.⁶⁷ Однако единственный имеющийся в распоряжении историков памятник, свидетельствующий об интересе болгарских книжников к литературе подобного рода, относится к гораздо более позднему периоду. Речь идет о Кичевском сборнике, по-видимому, сербского происхождения, составление которого датируется рубежом XVI — началом XVII в.⁶⁸ Содержащаяся в сборнике «Болгарская апокрифическая летопись» свидетельствует не только о тесной связи с болгарской книжной традицией Македонии⁶⁹, но и о том, что апокрифы, не дойдя до нас в собственно болгарских списках, имели широкое распространение в южнославянских землях и сохранили свою актуальность в первые века османского владычества.

В сербском списке последней четверти XV в. известен и упоминавшийся выше апокриф, находящийся в рукописном сборнике № 52 (39) из монастыря Николяц (совр. Черногория) и датирующийся второй половиной XI в.⁷⁰

Как известно, «историческое» содержание апокрифических произведений традиционно связывается с перечнем представленных в

⁶⁶ *Каймакамова М.* Солунската легенда като извор за идейните настроения на българите в края на XII век... С. 286, 291–292.

⁶⁷ О широком распространении пророческой и апокалиптической книжности в XV–XVI вв. см.: *Милтенова А.* Историческите събития през XV век и съставът на Балканските кирилски ръкописи // *Българският петнадесети век...* С. 137–142. Об аллюзиях апокрифических произведений на османские реалии см.: *Цибранска-Костова М.* Етюди върху Кирилската палеотипия (XV–XVIII век). София, 2007. С. 57.

⁶⁸ Подробнее о датировке, истории списка и этнической принадлежности ее автора см.: *Турилов А.А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян. Этюды и характеристики. М., 2012. С. 504.

⁶⁹ Там же. С. 511.

⁷⁰ *Милтенова А., Каймакамова М.* Неизвестно старобългарско летописно съчинение от XI век... С. 52, 68.

нем болгарских персонажей, часть которых исследователи пытались отождествить с реально существовавшими героями и правителями дохристианской и средневековой Болгарии: Бориса с Борисом-Михаилом I (852–889), Симеона с Симеоном I Великим (893–927), Петра с Петром I (927–969), Моисея, Аарона, Самуила — с братьями Комитопулами (997–1018)⁷¹, Гагена-Одоленя — с Петром Деляном (1040–1041)⁷² и т.д. В то же время в этих сочинениях представлены и вовсе не идентифицируемые персонажи: Арев, Тургий и т.д.⁷³ Споры вызывает и укоренившееся в болгарской историографии отождествление царя Испора с ханом Аспарухом⁷⁴, разнообразные гипотезы сложились вокруг толкования имени первого (согласно «Болгарской апокрифической летописи») болгарского правителя — Слава⁷⁵.

Очевидно, что, как отметил Д.И. Польшванный, попытки некоторых исследователей читать апокрифические произведения, прежде всего «Болгарскую апокрифическую летопись», «как своеобразный ребус, автор которого намеренно зашифровал в апокрифических образах известную ему по письменным источникам историю Первого Болгарского царства, представляется некорректными»⁷⁶. О неправомерности «экзегетического подхода» к «Болгарской апокрифической летописи» писал и С.А. Иванов⁷⁷, характеризуя ее лишь как

⁷¹ Подробнее о возможных идентификациях персонажей Болгарской апокрифической летописи см.: *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 203–206.

⁷² *Милтенова А., Каймакамова М.* Неизвестно старобългарско летописно съчинение от XI век... С. 63–65.

⁷³ *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина... С. 206.

⁷⁴ *Турилов А.А.* К обяснению одного темного места в «Болгарской апокрифической летописи»: почему «детищ» царь Испор был «ношен три леты»? // Средновековният човек и неговият свят: Сборник в чест на 70-та годишнина на К. Попконстантинов. Велико Търново, 2014. С. 813–816; *Степанов Цв.* В очакване на Края... С. 237–251; *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 203.

⁷⁵ См., например: *Калоянов А.* Българското шаманство. София, 1995. С. 113; *Степанов Цв.* В очакване на Края... С. 237–251; *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Коментар // Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 203.

⁷⁶ *Польшванный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000. С. 117.

⁷⁷ *Иванов С.А.* «Болгарская апокрифическая летопись» как памятник этнического самосознания болгар // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 71.

«изложение истории», свидетельство об особенностях коллективной памяти, самосознания болгар, в то же время отражающее их эсхатологические настроения в конце XI в.⁷⁸

Именно в этом ключе в последнее время апокрифические памятники активно изучаются усилиями болгарских культурологов, филологов и фольклористов. Так, «Болгарская апокрифическая летопись» исследуется прежде всего как «квазиисторическое летописное произведение»⁷⁹, апокалиптическое сочинение в ожидании конца света⁸⁰, к которому неприменимы общепринятые критерии «историчности»: хронологическая последовательность, причинно-следственные связи, а зафиксированная в ней память носит циклический и «мифопоэтический» характер⁸¹.

Характерным примером «мифопоэтичности» образов представленных в «Болгарской апокрифической летописи» правителей могут служить развернутые и полные описания Бориса, Симеона и Петра. Первый «был благочестив и благоверен» и «крестил болгарскую землю и создал церкви по болгарской земле, и на реке Брегалнице; и здесь, приняв царство, в Овчем поле создал белые церкви. И пошел в Добрич и там завершил жизнь свою. И царствовал шестнадцать лет, не имея ни греха, ни жены. И царство его было благословенно, и почил с миром в Господе»⁸². Второй «брал дань со всей своей земли, по всем областям царства своего — лишь по одной кудели и ложке масла, и по одному яйцу в год; такова была дань ему с его земли и его людей, и ничего другого не хотел он. И было изобилие великое в те времена при этом царе Симеоне»⁸³. Наконец, царь Петр характеризуется как «святой... царь болгарский, муж святой и праведный отнюдь... Был [он] царем болгар, а еще и греков. И царствовал в земле Болгарской 12 лет, не имея ни греха, ни жены, и было благословенно царствование его. Ибо тогда, в дни и годы святого Петра царя болгарского, было изобилие всего, сиречь пшеницы и масла, меда, молока и вина, и все дарами Божиими грелось и кипело, и не было оскудения ни в чем, но были сытость и изобилие во всем,

⁷⁸ Там же. С. 71–72, 75–76.

⁷⁹ Моллов Т. Мит — епос — история. Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992–1092–1492). Варна, 2002 [доступно 10.09.2017: <http://liternet.bg/publish/tmollov/mei/1.htm>].

⁸⁰ Степанов Цв. В очакване на Края... С. 206.

⁸¹ Моллов Т. Мит — епос — история...

⁸² Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 196.

⁸³ Там же.

пока изволил Господь»⁸⁴. Отчетливо героизированный облик имеет и «Гаген Одолень» из «Сказания Исайтева»: «кроток и храбр и ратник», победитель «измаильтян», храбро павший в бою с «насылниками с запада»⁸⁵. В то же время в «Болгарской апокрифической летописи» «Гаган по прозвищу Оделян» изображается не столько как воин, сколько как правитель «царства болгарского и греческого» и создатель болгарских городов⁸⁶.

Несмотря на полулегендарный характер описаний героев и правителей в болгарских апокрифических произведениях, по-видимому, лишь они и отрывочные сведения из помянников типа Синодика царя Борила давали болгарскому населению XVI в. представление об их средневековом прошлом. Так, в Синодике фигурируют Борис, «первый царь болгарский, нареченный во святем крещении Михаил», который привел «болгарский род к богоразумию святым крещением», Симеон, «сын его», Петр, «царь святой», внук его Пленимир, Борис, Роман, Самуил, Гавриил Радомир, Владимир, Владислав, Мария, «древняя царица болгарская»⁸⁷.

Упоминание о царях Борисе I и Симеоне I зафиксировано и в единственном южнославянском⁸⁸ списке «Чуда о кресте и болгарине» из сборника-конволюта, происходящего из Охрида, в части, датируемой первой четвертью XV в.⁸⁹ Так, царь Борис-Михаил «иже силою Христовою», «победы крестным оружием», «вельми непокоривы род българскы» «светом благоразумия просвети» и «в правоверную христову веру приведе», «създа црквы и монастыре и поставы епископы и игумены и попы»⁹⁰. Затем упоминается его сын «Владимир князь сын его первый», однако «благословение Божие и Михаиле» было

⁸⁴ Цит. по: *Полывянный Д.И.* Царь Петр в исторической памяти болгарского Средневековья... С. 143. Текст см.: *Тълкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 196.

⁸⁵ *Милтенова А., Каймакамова М.* Неизвестно старобългарско летописно съчинение от XI век... С. 69–70.

⁸⁶ *Тълкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 198.

⁸⁷ *Божилев И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилев Синодик... С. 149–150. С. 2016–202а.

⁸⁸ Х. Кодов предполагает, что список может иметь западноболгарское или юго-западноболгарское происхождение, см.: *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската Академия на Науките... С. 145.

⁸⁹ Там же. С. 143–144. Л. 355а–358а.

⁹⁰ Там же. С. 143.

«на Симеоне», который «прее стол съгнав брат»⁹¹ и одержал победу над венграми, благодаря заступничеству св. Георгия⁹².

Краткие сведения о правителях Первого Болгарского царства можно найти и в афонской традиции XVI в. Близкий к Синодику царя Борила список правителей зафиксирован в Зографском помяннике 1502 г.: из правителей Первого Болгарского царства в нем упомянуты Борис, Симеон, Петр, Борис, Роман⁹³. Заслуживает внимания пренебрежение автора к хронологическому порядку правления «приснопамятных царей» Второго и Первого Болгарского царства, которое, видимо, не имеет для него первостепенного значения, характеризуя ценность и древность утерянных вещей в целом. Подобная «внеисторичность» наблюдается и в «Повести о разорении латинянами афонских православных монастырей в 1280 г. (Повесть о Ксиропотамском монастыре)», где в качестве некоего общего исторического фона фигурирует самое общее упоминание о независимом Болгарском государстве: «тогда посуху царствовали болгары и был им царствующий град Тырнов, в нем же и патриарх вселенский был тогда»⁹⁴. В «Сводной Зографской грамоте» XVI в. в качестве создателей монастыря св. Георгия фигурируют три брата: Моисей, Арон, Иоанн Селима, которых исследователи традиционно отождествляют с братьями Комитопулами. Отдельно в грамоте отмечается Селима, отождествляемый с царем Самуилом, который «храбр был словом и делом»⁹⁵. Имена Петра, «святого царя», и Симеона фигурируют и во втором списке «Рассказа о Зографских мучениках» (последнее десятилетие XIII — начало XIV в.) (рукопись № 2226–2246) из собрания монастыря Драгомирна (совр. Румыния) молдавского происхождения XVI — начала XVII в.⁹⁶, широко известного и популярного, по авторитетному мнению А. Милтеновой, в славянских и особенно болгарских землях в этот период и более позднее время⁹⁷.

Отрывочность имеющихся сведений показывает, что афонская традиция XVI в. фиксировала память о болгарских правителях лишь в связи

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 144.

⁹³ *Иванов Й.* Български старини из Македония... С. 489.

⁹⁴ Повесть о разорении латинянами афонских православных монастырей в 1280 г. // Иван Вишенский. Сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И.П. Еремина. М.; Л., 1955. С. 334.

⁹⁵ *Иванов Й.* Български старини из Македония... С. 540.

⁹⁶ *Милтенова А.* Непроучен препис на Разказа за Зографските мъченици // Сребърният век: нови открития. София, 2016. С. 236.

⁹⁷ Там же. С. 235.

с их ролью в судьбе самих монастырей и, по-видимому, была актуальна лишь для зографских монахов, поскольку представленные памятники не имели распространения в собственно болгарских землях. Тем не менее зографская традиция также свидетельствует об устойчивости памяти о ряде правителей Первого Болгарского царства, фигурирующих как в Болгарской апокрифической летописи, так и (за некоторыми исключениями) в Синодике царя Борила: крестившем Болгарию Борисе-Михаиле, царе Симеоне, Комитопулах и, прежде всего, о праведном царе Петре.

Популярность образа последнего как в средневековой истории Болгарии, так и в эпоху раннего Нового времени давно стала предметом специальных исследований⁹⁸. Именно к царю Петру (наряду с Самуилом) демонстрирует уважение в своих грамотах Василий II Болгаробойца (976–1025)⁹⁹, к авторитету царя Петра апеллирует и царь Калоян в знаменитой переписке с папой Римским, добываясь признания своего государства: «В качестве любимого сына мы хотим от матери нашей, Римской церкви, царскую корону и достоинство, какое имели наши древние цари. Как мы находим записанным в наших книгах, одним из них был Петр, другим Самуил, и другие, что царствовали перед ними»¹⁰⁰. Использование имени Петра предводителями крупнейших болгарских антивизантийских восстаний XI в. дало болгарской исследовательнице М. Каймакамовой основание вести речь о существовании некоей «традиционной идеологии болгарских освободительных восстаний», в которой имя болгарского святого царя «исполняло своеобразную роль “*rex perpetuum*”»¹⁰¹. Согласно Д.И. Польшванному, «историческая память о болгарском царе Петре не была цельной и непрерывной, она складывалась из нескольких устойчивых тенденций (обоснование легитимности Болгарского царства, праведность и благочестие при жизни, посмертная святость <...>), которые актуализировались в определенные эпохи в зависимости от их общественно-политических особенностей»¹⁰².

⁹⁸ См., например: *Биярски И.* Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004; *Биярски И., Йовчева М.* За датата на Успението на цар Петър и за култа към него // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 543–557; *Чешмеджиев Д.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965) // Християнската традиция и царската институция в българската култура. Шумен, 2003. С. 23–37 и др.

⁹⁹ *Иванов Й.* Български старини из Македония... С. 556.

¹⁰⁰ *Innocentii III papae et Caloiannus regis* // Латински извори за българската история. София, 1965. Т. 3. С. 310.

¹⁰¹ *Каймакамова М.* Власт и история в средновековна България... С. 223.

¹⁰² *Польшванний Д.И.* Царь Петр в исторической памяти болгарского Средневековья... С. 145.

Как бы то ни было, память о царе Петре теснейшим образом связана с древней столицей Первого Болгарского царства Преславом: так, в сербской (дуклянской) исторической традиции сохранились сведения о кончине «императора болгар по имени Петр, который сидел в городе Великом Преславе»¹⁰³. В общей службе св. Петру и св. Клименту Римскому Преслав также фигурирует как прежде всего город Петра («утверждение граду твоему Преславу»¹⁰⁴). Именно Преслав переходит под управление старшего из основателей Второго Болгарского царства, Петра, на правах «Петровой земли» и упоминается у Георгия Акрополита как «Петрова хора»¹⁰⁵.

Отдельного внимания заслуживает другая смысловая связь — между образами царя Петра и царя Константина, зафиксированная в Болгарской апокрифической летописи¹⁰⁶: «И тогда во времена св. Петра, царя болгарского, оказалась в земле Болгарской одна женщина, вдовица, молодая и мудрая, и очень праведная, именем Елена... Елена бежала в Визу, город ромейских эллинов, понеже была беременна, и там родила царя Константина. И явился тому ангел Господень и благовестил ему о Честном Кресте на востоке. И любили друг друга царь Петр и царь Константин»¹⁰⁷. Это указание болгарской «Апокрифической летописи» далеко не случайно: император Константин — единственный канонизированный император-святой, а царь Петр — единственный болгарский святой-царь, о полноценном развитии культа которого можно говорить с полной уверенностью¹⁰⁸. По мнению И. Билярского и Д. Чешмеджиева, благодаря этой связи в болгарской книжной традиции (и, по-видимому, в сознании болгар) царь Петр выступал не только как первый легитимный правитель, признанный Византией, но как, прежде всего, «новый Константин», «обновитель

¹⁰³ *Annales anonymi presbyteri de Dioclea* // Латински извори за българската история. София, 1965. Т. 3. С. 172.

¹⁰⁴ Цит. по: *Польвянный Д.И.* Царь Петр в исторической памяти болгарского Средневековья... С. 142.

¹⁰⁵ *Georgius Acropolita. Opera / Rec. A. Heisenberg. Ed. anni 1903* (= *Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. 1*). Stuttgartiae, 1978. P. 20.

¹⁰⁶ *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България... С. 205.

¹⁰⁷ Там же. С. 196.

¹⁰⁸ Подробнее об уподоблении царя Петра Константину Великому см.: *Бадаланова-Покровская Ф., Плюханова М.* Средневековая символика власти в Slavia Orthodoxa // *Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски»*. Факултет по славянски филологии. Литературознание. 1993 (1996). Кн. 2. Т. 86. С. 105–106.

царства»¹⁰⁹. Этой связью с Константином Великим объясняются и «римские следы» в почитании царя Петра: согласно «Апокрифической летописи», пока Константин пребывал в поисках Честного Креста, «пришли какие-то насильники как исполины и погубили Болгарскую землю по морю, и Петр, царь болгарский, муж праведный, оставил царство и бежал на запад в Рим и там окончил свою жизнь»¹¹⁰.

Очевидно, обе эти смысловые связи Петр — Преслав и Петр — Константин — Рим, к XVI в. довольно прочно вошли в сознание читающей болгарской аудитории, о чем свидетельствует приписка, помещенная ранее упомянутым первым болгарским первопечатником из Венеции, Яковом Крайковым, в конце составленного им сборника «Различных потребий» 1572 г., сообщающая, что «сей извод» Яков обрел в книгах Петра, «царя болгарского, иже беше тому настолни град велики Преслав и умрет в велики Рим»¹¹¹. По мнению М. Цибранской-Костовой, эта приписка могла как свидетельствовать о том, что Яков Крайков действительно располагал какими-то рукописями времен Первого Болгарского царства, так и быть своего рода «спекуляцией» на популярности образа царя Петра и созвучии имени правителя с именем апостола Петра и образом Рима как «города св. Петра», т. е. «рекламным трюком» для его потенциальных читателей¹¹².

Итак, историческая память о временах Первого Болгарского царства в памятниках болгарской книжности XV–XVI вв. была сопряжена прежде всего с церковной южнославянской традицией и исключительно активной деятельностью монастырей под юрисдикцией Охридской архиепископии, в то время как Тырновская кафедра, утратив статус патриархии, подпадает под сильное греческое влияние Константинополя и никакой роли в сохранении исторической

¹⁰⁹ Подробнее см.: *Билярски И.* Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка... С. 25–42; *Чешмеджиев Д.* Българската държавна традиция в апокрифите: цар Петър в Българския апокрифен летопис от XI–XII в. // Българско Средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф., д-р Милияна Каймакамова. София, 2013. С. 262–271; *Он же.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965) // Християнската традиция и царската институция в българската култура... С. 23–37.

¹¹⁰ *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина... С. 197.

¹¹¹ *Атанасов П.* Яков Крайков. Книжовник. Издател. График. XVI в. ... С. 138; *Цибранска-Костова М.* Сборникът «Различни потреби» на Яков Крайков между Венеция и Балканите през XVI век... С. 128–129.

¹¹² Подробнее о версиях относительно появления этой приписки в сборнике Якова Крайкова см.: *Цибранска-Костова М.* Етюди върху Кирилската палеотипия (XV–XVIII век)... С. 39, 55; *Она же.* Сборникът «Различни потреби» на Яков Крайков между Венеция и Балканите през XVI век... С. 113–116.

традиции не играет. Необходимо также отметить, что болгарская историческая мысль и связанная с ней рукописная традиция в предшествующую Османскому завоеванию эпоху характеризуется плохой сохранностью, почти полным отсутствием собственных летописей на фоне переводных византийских хроник вследствие тесной вовлеченности в византийскую историю, отсутствием житий правителей¹¹³. Свою лепту в утрату ряда компонентов исторической памяти вносит и массовая гибель изображений правителей на фресках, переправка лицевых рукописей с миниатюрами, где были представлены члены царской семьи, в частности Четвероевангелия царя Ивана Александра, за пределы страны¹¹⁴.

Таким образом, в XV–XVI вв. историческая память населения завоеванных османами болгарских земель фактически свелась к трем компонентам: развитию культа св. Иоанна Рильского в связи с сохранением и распространением посвященных ему церковно-богослужебных текстов и перенесением его мощей из Тырново в Рильский монастырь; продолжению традиции почитания свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия как общеславянских православных святых и, наконец, вниманию к отдельным правителям Первого Болгарского царства: Борису I, Симеону, Петру, братьям Комитопулам (и прежде всего Самуилу) — почитавшимся как в русле официальной церкви, так и в рамках народного христианства. Все три темы, тесным образом связанные с православной традицией, выполняли «этносохраняющие» функции и, очевидно, были проявлением «конфессионализации автостереотипа» православных болгар в мусульманском османском окружении¹¹⁵.

¹¹³ Подробнее о характере болгарского средневекового историописания и состоянии болгарской исторической мысли см.: *Польвянный Д.И.* К изучению средневекового болгарского историописания // *Българско средновековие: общество, власт, история...* С. 252–261; *Гюзелев В.* Апология на Средновековието // *Гюзелев В.* Съчинения в пет тома. София, 2013. Т. 1. С. 142–144.

¹¹⁴ Этими наблюдениями я обязана А.А. Турилову, за что приношу ему глубокую благодарность.

¹¹⁵ Подробнее об особенностях этнического самосознания болгар и происходящих в нем изменениях в XV–XVI вв. см.: *Литаврин Г.Г., Макарова И.Ф.* Этническое самосознание болгар в конце XIV начале XVI в. // *Этническое самосознание славян в XV столетии.* М., 1995. С. 191–215.